

Винсент Ван Гог

«ИСКУССТВО
И САМА ЖИЗНЬ»

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Санкт-Петербург

УДК 75
ББК 85.143(3)
В 17

Vincent Van Gogh
VERZAMELDE BRIEVEN

Перевод с нидерландского
Надежды Возненко (письма 1–394), Ирины Бассиной (письма 400–497),
Ирины Михайловой (письма 502–574);
перевод с французского Владимира Петрова
(французские фрагменты писем 120, 126, 148; письма 155, 158, 567–902).

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Ван Гог В.

В 17 «Искусство и сама жизнь» : Избранные письма / Винсент Ван Гог ; пер. с нидерл. И. Бассиной, Н. Возненко, И. Михайловой ; пер. с фр. В. Петрова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 960 с. : ил. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25084-0

Письма Винсента Ван Гога — удивительный документ, вот уже сто лет с момента первой публикации пользующийся заслуженными интересом и любовью читателей. Это тот редкий случай, когда литературная одаренность, оригинальность натуры и масштаб личности автора оказались дополнены поистине драматическими перипетиями его биографии, отразившейся в этих личных текстах. Биографии легендарной — как и все, что связано с именем Винсента Ван Гога.

Полный объем сохранившейся до наших дней переписки художника огромен — более девятист писем. Мы представляем читателю наиболее полную из существующих на данный момент на русском языке антологию, куда вошла треть от общего числа писем Винсента Ван Гога, а именно те, в которых упоминаются самые значимые события его биографии и где он формулирует жизненные и художественные воззрения или комментирует свою работу. Все письма публикуются без купюр и переведены с факсимиле оригинала.

В сборник вошли письма, датируемые 1872–1890 гг., тексты которых дарят нам возможность пройти вслед за Ван Гогом поразительный путь, который сделал его автором известных всему миру шедевров.

УДК 75
ББК 85.143(3)

© И. А. Бассина, перевод, 2021, 2022
© Н. В. Возненко, перевод, 2021, 2022
© И. М. Михайлова, перевод, 2021, 2022
© В. А. Петров, перевод, 2021, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25084-0

ОТ РЕДАКЦИИ

Едва ли не с момента обнаружения письма Ван Гога называют уникальным человеческим документом, отмечая их литературные достоинства и ценность в качестве источника знаний о жизни и творчестве художника. Вдова Тео Ван Гога Йоханна, первой начавшая публиковать переписку деверя, даже назвала их «самой полной автобиографией из всех возможных». Действительно, с одной стороны, письма по сей день наш главный источник сведений о жизни художника. Но с другой — те, которые известны нам, неравномерно распределены по времени. Так, между письмами под номерами 154 и 155 почти год: все, что было написано в этот промежуток, пропало или было намеренно уничтожено. Очень немного писем дошло от 1878–1880 годов, когда Ван Гог жил среди бельгийских углекопов: в то время он не слишком аккуратно писал своему главному корреспонденту — брату Тео, и от двух парижских лет (1886–1888), когда братья жили вместе. Некоторые периоды, напротив, были отмечены лихорадочной эпистолярной активностью, когда он мог писать брату ежедневно и даже дважды в день. «Целый год он отправлял брату по одному письму в месяц, но в следующие три недели Тео получил от него девять длинных посланий. Некоторые написаны вдогонку за только что отосланными — мысли теснились, и новое письмо начиналось с того, на чем окончилось предыдущее, составляя один непрерывный словесный поток» — так описывают один из этих периодов Стивен Найфи и Грегори Уайт-Смит, авторы самой свежей и полной биографии художника. Добавим, что письма нередко завершаются постскриптами (иногда не одним), и некоторые из них длиннее основного текста.

Но даже когда Ван Гог пишет много и с удовольствием, он довольно скупко делится подробностями своей повседневной жизни. Конечно же, они иногда встречаются, но, в общем, мы плохо знаем,

чем он обычно питался, где покупал книги (одно из его излюбленных занятий), чем болел и т. д. Обыденные подробности вроде «съел только ломоть крестьянского хлеба с чашкой кофе в трактирчике, где рисовал прялку», запоминаются очень хорошо именно из-за того, что они редки. (Справедливости ради скажем, что это в меньшей степени относится к письмам 1888–1890 годов.) Два крупнейших кризиса в его жизни — ранение в Арле и обстоятельства, которые привели художника к смерти, — практически не нашли отражения в переписке.

Немногое из писем Ван Гога можно узнать и о людях, с которыми он вступал в общение. Яркий пример — история с Кее Фосс, кузиной Ван Гога, вызвавшей у него чрезвычайно сильное чувство, что привело к настоящему семейному скандалу. Исписывая целые страницы в попытке объяснить свои переживания, он находит для самой женщины лишь несколько самых общих выражений: «Она так добра и приветлива, что для нее невыносимо сказать хоть одно неласковое слово», «в Кее столько жизни и остроумия». Это же повторится позднее с Син, женщиной из низов, с которой Ван Гог жил в Гааге. Из его писем мы мало что узнаем о ней самой и много — об идеальной «семейной» жизни, которая виделась будущему художнику: «Новая мастерская, молодая семья в полном порядке... Все располагает, подталкивает и побуждает к деятельности».

Тем удивительнее на фоне скупых строчек, которые Ван Гог уделяет ближайшим людям из своего окружения, подробные и проникновенные описания пейзажей. Вероятно, именно они заставили Музей нидерландской литературы причислить Ван Гога к перечню «Сто величайших писателей из числа тех, кого нет в живых». В них нашел выражение дар преображать самую убогую действительность: прежде чем взяться за кисть, он уже делал это на словах. Поразительнее всего, пожалуй, описания Дренте — края торфяных болот, едва ли не самого унылого из всех, в какие попадал Ван Гог за свою жизнь, если не считать бельгийского шахтерского края. «Воздух был невыразимо нежного, лиловато-белого цвета — облака не были кудрявыми и плотно покрывали все небо: более или менее яркие пятна, лиловые, серые и белые, и сквозь разрывы в них проглядывала синева. (...) В сумерках на этой равнине довольно часто проявляются эффе́кты, которые англичане называют *weird* и *quaint*. На фоне мерцающего вечернего неба виднеются причудливые силуэты мельниц, словно сошедших со страниц романа о Дон Кихоте, или подъемных мостов, диковинных и громадных».

Но конечно, «фирменный знак» вангоговских писем — длиннейшие словесные излияния, обращенные к Тео. Создается впечатление, что мы можем наблюдать за малейшими душевными движениями их автора. Пожалуй, это можно считать верным для самых ранних и самых поздних писем. Не надо забывать, что Ван Гог всю жизнь находился в зависимости от родственников — как моральной, так и материальной; прежде всего это относится к тому же Тео, содержавшему своего брата с зимы 1880/81 года и до самой его смерти. Из-за боязни лишиться регулярных денежных поступлений Ван Гог прибегал к разнообразным стратегиям, которые отразились в корреспонденции: угроза порвать отношения, жалобы на невыносимое положение, напоминание об общем прошлом, связывавшем их, — детстве, проведенном вместе, льстивые комментарии относительно талантов Тео и т. д. Стоит помнить, что эти излияния далеко не всегда так спонтанны, как кажется.

Еще одно свойство писем, которое сразу же бросается в глаза, — склонность Ван Гога пропускать все через призму искусства и литературы. В его сознании они, видимо, образовывали некое целостное художественное пространство, и в этом смысле очень любопытно письмо 822, где Ван Гог как ни в чем не бывало сравнивает художника слова и художника кисти: «...Вы... знаете, что следует искать возможного, логического, правдивого, пусть даже придется слегка забыть о парижских вещах в духе Бодлера. Насколько же я предпочитаю Домье этому господину!» Так или иначе, любая или почти любая жизненная ситуация немедленно вызывала множество упоминаний о живописных полотнах, романах и т. д.: Ван Гог искренне верил, что они помогут адресату разобраться в обстоятельствах и, главное, в мотивах самого отправителя, более того — встать на его точку зрения. Так, отцу он советовал читать своего любимого Мишле, в надежде, что это разом уладит все недоразумения, а намного позднее, в Арле, рекомендовал брату прочесть всего (!) «Тартарена» Альфонса Доде, чтобы лучше понять Гогена. При этом, если говорить об авторах, особый интерес Ван Гога всегда вызывали мятежные натуры и вообще те, кто входил в конфликт со своим окружением (как и он сам). Жизненный путь писателя и художника был для него, пожалуй, важнее всего остального. Это нужно иметь в виду — огромное количество имен, благожелательно упоминаемых в письмах, создает ощущение полной стилистической всеядности, но пристрастия Ван Гога определялись другими мотивами.

Упоминает Винсент Ван Гог и русских писателей: Толстого, Достоевского, Тургенева (не все подобные упоминания вошли в публикуемые письма). Правда, ни одного их художественного произведения Ван Гог не читал и знал о них из вторых рук, от авторов газетных и журнальных заметок. Заметка о Достоевском настолько впечатлила Ван Гога — который, видимо, был тронут описанием нелегкой жизни русского писателя, — что он переслал ее брату и предложил ему сходить в Париже на спектакль по «Преступлению и наказанию». Что касается Толстого, то Ван Гог был впечатлен пересказом его трактата «В чем моя вера?». А в письме 611 мы встречаем еще одну отсылку к Толстому: «Я уподобился русскому, который хотел захватить слишком много земли за один день».

Изначально при ведении корреспонденции Ван Гог в основном пользовался, разумеется, родным нидерландским языком, но значительная часть писем — более 300, или около трети, — написана по-французски. Начиная с 1887 года он пользовался исключительно этим языком в переписке с Тео, а чуть позднее перешел на него и в письмах к сестре Виллемине, не говоря, разумеется, о посланиях, предназначенных для французских художников. Это вполне объяснимо хотя бы одним только влиянием языковой среды. Было проще полностью перейти на французский, чем насыщать письма на нидерландском французскими словами и оборотами, что Ван Гог охотно делал и до того. Да и для самого Тео французский, кажется, стал языком повседневного общения (судя по заметкам, которые он оставил на письмах брата).

Интереснее случай с письмом 155 — как уже говорилось, оно следует после длительного перерыва. Можно считать его в своем роде программным: Ван Гог окончательно оставляет намерение стать проповедником-евангелистом, в его письмах отныне будут отсутствовать цитаты из Библии. Вместо нее он находит для себя новое духовное руководство — учение философа Эмиля Сувестра (ныне забытого, точнее, известного едва ли не только благодаря Ван Гогу). Через несколько месяцев, уже избрав для себя карьеру художника, Ван Гог вернется к нидерландскому, но этот переломный момент он, видимо, счел нужным обозначить также и смелой языком.

Изучая французский с ранней юности, проведя год в Париже и около трех лет — во франкоязычных регионах Бельгии, Ван Гог достаточно свободно владел этим языком, хотя, разумеется, не так, как носители. Среди отличительных признаков его писем — пре-

небрежение к пунктуации, диакритике и апострофам, что, впрочем, свойственно и посланиям на нидерландском, неумеренное употребление сослагательного наклонения (*subjonctif*), слишком свободный синтаксис, любовь к выражениям собственного изобретения, составленным из двух французских, — над чем смеялся, например, Гоген. Но в целом, скорее, следует говорить о том, что страсть к экспрессивности подавляла стремление к точности выражения. А если брать письменную речь, то Ван Гог выглядел высокообразованным интеллектуалом по сравнению со многими природными французами, вроде его приятеля почтальона Рулена.

При всей сбивчивости и даже бессвязности некоторых текстов (особенно написанных в минуты сильного душевного волнения и тем более нездоровья) Ван Гог по большей части предстает в них как рационально мыслящий человек, способный ставить цели и планомерно добиваться намеченного, практикующий строгую самодисциплину. В письмах арльского периода как будто повторяется рефрен: новое («импрессионистское», как выражался Ван Гог) искусство победит, его картины будут цениться, благодаря им его брат станет состоятельным человеком, даже если ему придется расстаться со здоровьем, а возможно, и с жизнью. Эти планы спутала лишь ранняя смерть Тео, в остальном же все так и вышло. Уместно завершить этот небольшой очерк словами У. Х. Одена: «Прочитав его переписку, невозможно думать о нем как о романтическом *artiste maudit* [прóклятом художнике] или даже как о трагическом герое: несмотря ни на что, они в конечном счете оставляют впечатление торжества».

*Владимир Петров,
переводчик, редактор*

* * *

Настоящая антология включает в себя новые переводы примерно третьей части сохранившихся писем Ван Гога. Источником текстов писем послужило наиболее полное и авторитетное на данный момент научное интернет-издание www.vangoghletters.org, подготовленное ведущими мировыми специалистами в рамках «Van Gogh Letters Project» (1994–2009; на сайте можно ознакомиться с полным корпусом писем Ван Гога в факсимильном варианте, в виде текста на языке оригинала, а также в комментированном

ОТ РЕДАКЦИИ

переводе на английский язык). Номера, с которых в нашем издании начинается заголовок каждого письма, приводятся в соответствии именно с изданием «Van Gogh Letters Project».

Все публикуемые письма приводятся полностью, композиция и специфическая графика текста, насколько это возможно, чтобы не затруднять чтение, повторяют оригинальную.

В качестве источника дополнительных сведений о жизни и творчестве Винсента Ван Гога, о взаимоотношениях в его семье, о его художественных и литературных пристрастиях мы обращаем внимание читателя на фундаментальную биографию Стивена Найфи и Грегори Уайт-Смита «Ван Гог. Жизнь» — наиболее полную из существующих на данный момент, авторы которой привлекают обширный исторический материал, детально анализируя эпистолярное наследие художника на фоне широчайшего исторического и культурного контекста. Книга переведена на русский язык.

ГААГА. ЛОНДОН. ПАРИЖ

«ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ —
СУЕТА»

ГААГА

29 сентября 1872 — 17 марта 1873

В 1869 году шестнадцатилетний Винсент Ван Гог¹, прожив год в родительском доме после преждевременного возвращения из школы в Тилбурге, поступил на службу в гаагский филиал международной компании «Гупиль и К^о», специализировавшейся на торговле произведениями искусства и изготовлении гравированных репродукций. Протекцию племяннику составил дядя Винсент Ван Гог — один из партнеров в компании. В переписке этого периода упоминаются многочисленные друзья и родственники семьи Ван Гог, а также его коллеги и новые знакомые — в частности, его непосредственный начальник Херманус Терстех и его семья, а также семья Роос, у которой юный Ван Гог квартировал на Ланге Бестенмаркт. Именно с этого адреса было отправлено первое из сохранившихся писем Ван Гога, адресованное младшему брату Тео. В 1872 году Тео также вступил в ряды сотрудников фирмы «Гупиль и К^о», но, в отличие от брата, присоединился к ее филиалу в Брюсселе.

001 (1). Тео Ван Гог. Гаага, воскресенье, 29 сентября 1872

[Гаага, 29 сентября 187]2

[Дорогой] Тео,

благодарю тебя за письмо, я был рад узнать, что ты хорошо добрался. В первые дни мне тебя не хватало, и когда я днем возвращался домой, было непривычно, что тебя там нет.

Мы приятно провели несколько дней вместе и даже прогулялись, пока капал [дождь], и что-то повидали.

Какая ужасная погода, тебе наверняка было жутковато, когда ты ходил в Ойс[тер]вейк. Вчера по случаю выставки прошли рысистые

¹ В настоящем издании фамильную приставку «Ван» в фамилии Ван Гог мы пишем, согласно сложившейся традиции, с прописной буквы. — *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)*

бега, но иллюминацию и фейерверк перенесли из-за непогоды — хорошо, что ты не остался ради них.

Хаанебеки и Роосы передают тебе привет. Всегда

любящий тебя

Винсент

002 (2). Тео Ван Гог. Гаага, пятница, 13 декабря 1872

Гаага, 13 декабря 1872

Дорогой Тео,

из письма папы узнал отличную новость. От всей души желаю тебе удачи.

Не сомневаюсь, тебе там очень понравится, это просто прекрасное дело.

Тебя ожидают большие перемены.

Я ужасно рад, что отныне мы заняты одним и тем же делом и работаем в одной фирме; нам нужно почаще друг другу писать.

Очень надеюсь повидаться с тобой, пока ты не уехал, нам нужно еще многое обсудить.

Брюссель — очень приятный город, но поначалу он покажется тебе чужим.

Все равно напиши мне как можно [ск]орее.

[А] теперь прощай, это лишь пара [ст]рок, набросанных на бегу, но я все же должен был [тебе] сообщить, насколько я обрадовался.

Будь здоров и верь мне, остаюсь навсегда

твой любящий брат

Винсент

Мне жаль, что тебе каждый день нужно в Ойстервейк в такую непогоду. Привет от Роосов.

003 (3). Тео Ван Гог. Гаага, середина января 1873

Гаага, январь 1873

Дорогой Тео,

из дому дошли вести, что ты благополучно добрался до Брюсселя и что твои первые впечатления от него благоприятны.

Я прекрасно представляю, насколько непривычно тебе будет поначалу, но сохраняй бодрость духа, все получится. Напиши как можно быстрее о том, как идут дела и понравился ли тебе пансион.

Я надеюсь, что он будет хорошим. Папа написал мне, что ты подружился со Шмидтом, это здорово: он отличный малый и быстро введет тебя в курс дела.

Как же чудесно мы провели рождественские дни, я часто о них вспоминаю; ты тоже будешь их долго помнить, ведь это были твои последние дни дома. Непременно напиши, какие картины ты уже увидел и что тебе понравилось.

Сейчас, в начале года, у меня много дел. Новый год начался для меня хорошо, я получил 10 гульденов прибавки к жалованью, так что теперь я зарабатываю 50 гульденов в месяц, и, кроме того, я получил 50 гульденов премии. Разве это не замечательно? Надеюсь, что теперь я смогу полностью себя обеспечивать.

Я очень рад, что ты работаешь в той же фирме, что и я. Это такое прекрасное место: чем дольше здесь находишься, тем интереснее становится.

Возможно, начинать здесь сложнее, чем где-нибудь еще, но не опускай рук, и ты добьешься своего.

Спроси Шмидта, сколько стоит «Album Corot. Lithographies par Emile Vernier»¹. У нас в магазине о нем спрашивали, а я знаю, что в Брюсселе он есть.

В следующий раз пошлю тебе вместе с письмом свой портрет, я заказал его в прошлое воскресенье.

Ты уже побывал в Пале-Дюкаль?² Непременно это сделай, если тебе представится случай.

Как дела у дяди Хейна? Я очень ему сочувствую и надеюсь, что он поправится. Передавай сердечный привет ему и тете.

Приезжал ли дядя Сент в Брюссель?

Ну, приятель, будь здоров, все здешние знакомые передают тебе привет и желают тебе успеха. Передавай от меня привет Шмидту и Эдуарду и поскорее пошли мне весточку.

Прощай.

Твой любящий брат
Винсент

Мой адрес тебе известен: Ланге Бестенмаркт, 32, или фирма «Maison Goupil & Co».

¹ «Альбом Коро. Литографии, выполненные Эмилем Вернье» (фр.).

² Дворец академий (Palais des Académies) на рю Дюкаль — также известный как Пале-Дюкаль, — где располагался Музей гипсовой скульптуры (Musée des Plâtres) и Музей современного искусства (Musée Moderne). — *Примеч. перев.*

005 (5). Тео Ван Гогу. Гаага, понедельник, 17 марта 1873

Гаага, 17 марта 1873

Дорогой Тео,

вот и настало время вновь получить от меня весточку, и мне не терпится узнать, как у тебя дела и как дела у дяди Хейна, и я надеюсь, что если ты найдешь время, то напишешь мне.

Тебе уже наверняка известно, что я отправляюсь в Лондон, и, вероятно, очень скоро. Я очень надеюсь повидаться с тобой до этого.

Если получится, поеду на Пасху в Хелворт, но это будет зависеть от новинок, которые повезет Итерсон. До его возвращения я уехать не смогу.

В Л[ондоне] у меня будет совершенно иная жизнь: вероятно, я буду снимать комнату в одиночку, поэтому придется позаботиться о многих вещах, о которых сейчас я не задумываюсь.

Как ты догадываешься, мне не терпится увидеть Л., но все-таки жаль уезжать отсюда. Только теперь, когда мой отъезд стал делом решенным, я заметил, насколько привязался к Гааге. Ну да ладно, ничего уже не изменишь, и я не собираюсь принимать это слишком близко к сердцу. Мне нравится английский язык, я довольно сносно его понимаю, но говорю еще не так хорошо, как бы мне того хотелось.

От Анны я узнал, что ты снялся для портрета, и, если у тебя будет лишний, имей меня в виду.

Как дела у дяди Хейна — наверное, не лучше — и как поживает тетя? Может ли он еще заниматься делами и испытывает ли сильные боли? Передай им горячий привет, я очень часто думаю о них.

Как дела в фирме, наверняка очень много хлопот? У нас тоже. Должно быть, ты уже вошел в курс дела.

Как жизнь в пансионе? Он все еще тебе нравится? Это самое важное. Главное — пиши мне обо всем, что видишь. Две недели назад, в воскресенье, я побывал в Амстердаме на выставке картин, которые отправятся оттуда в Вену. Это было очень интересно, и мне любопытно, какое впечатление произведут голландцы в Вене.

Мне очень нравятся английские художники, они весьма редко нам попадают, потому что почти все [их картины] остаются в Англии.

В Лондоне у Гупиля нет магазина, они только доставляют [предметы искусства] для продажи.

Дядя Сент приедет сюда в конце месяца, мне не терпится услышать его рассказы.

У Хаанебеков и тетушки Фи постоянно спрашивают о тебе и передают тебе привет.

Здесь стоит прекрасная погода, я пользуюсь этим, насколько возможно: в минувшее воскресенье мы с Виллемом катались на весельной лодке. Мне так хотелось бы провести это лето здесь, но мы должны довольствоваться тем, что имеем. А теперь прощай, будь здоров и пиши мне. Пожелай от моего имени всего хорошего дяде и тете, Шмидту и Эдуарду. Я с нетерпением жду Пасхи. Как всегда,

твой любящий брат
Винсент

Господин и госпожа Роос и Виллем передают тебе привет.

Только что получил твое письмо, спасибо. Мне пришлось по душе портрет, он довольно удачен. Как только я узнаю больше о своей поездке в Хелворт, тотчас тебе напишу, будет здорово, если мы с тобой приедем в один день. Прощай.

Тео, все же еще раз советую начать курить трубку: это помогает, когда падаешь духом — как в последнее время иногда случается со мной.

008 (8). Тео Ван Гог, Гаага, пятница, 9 мая 1873

Гаага, 9 мая 1873

Дорогой Тео,

в понедельник утром я отправляюсь из Хелворта в Париж и буду проезжать Брюссель в 2 часа 7 минут. Если сможешь, приходи на вокзал, я буду очень рад.

Пока не забыл: вчера я показал г-же Терстех твой портрет, и ей очень хотелось бы иметь такой же. Не будет ли у тебя возможности раздобыть еще один и послать мне?

Если сейчас невозможно, то подумай об этом в будущем.

Тео, ты не представляешь, как здесь все добры ко мне; вообрази, как мне жаль расставаться со столькими друзьями.

Прощай, старина, передавай от меня сердечный привет дяде и тете. До свидания.

Винсент

Уточни, на каком вокзале тебе нужно быть: Северном или Южном.

ЛОНДОН

13 июня 1873 — 8 мая 1875

В мае 1873 года Винсента переводят в лондонский филиал фирмы «Гупиль и К^о». Тео к концу 1873 года переезжает в Гаагу, чтобы занять должность в том филиале, где прежде работал старший брат. На праздники вся семья собирается в Хелворте, где в то время живет семейство Ван Гог (преподобного Теодоруса Ван Гога, отца Винсента и Тео, часто переводят по службе). После краткого визита в центральный филиал «Гупиль и К^о» в Париже Винсент вновь возвращается в Лондон, где некоторое время работает в галерее «Холлоуэй и сыновья», сотрудничающей с компанией Гупиля. Винсент совершает долгие пешие прогулки по Лондону и его окрестностям, посещает службы в церквях и выступления проповедников. Братья много читают, их литературные вкусы вполне отражают модные тенденции своего времени: в числе любимого романтическая поэзия Генриха Гейне и Альфонса де Ламартина и викторианские романы Джордж Элиот.

009 (9). Тео Ван Гог. Лондон, пятница, 13 июня 1873

Лондон, 13 июня 1873

Дорогой Тео,

тебе наверняка не терпится получить от меня письмо, и я больше не хочу заставлять тебя ждать.

Из дому мне сообщили, что ты сейчас живешь у господина Шмидта и что тебя навестил папа. Я искренне надеюсь, что тебе понравится там больше, чем в предыдущем пансионе, даже не сомневаюсь в этом. Напиши мне поскорее, я очень этого жду, и расскажи, как проходит нынче твой день и т. д. Обязательно напиши и о том, какие картины ты видел в последнее время, не вышло ли новых гравюр и литографий. Держи меня в курсе, ведь такое мне тут встречается не часто, так как здесь у фирмы есть только склад.

Мои дела, если учесть обстоятельства, идут очень хорошо.

Я живу в пансионе, который мне пока нравится. Кроме меня, в доме еще три немца, которые очень любят музыку и сами играют на фортепиано и поют, что делает вечера весьма приятными. Я не так сильно занят, как в Гааге, потому что на работе нужно быть с утра и лишь до 6 часов вечера, а в субботу я освобождаюсь уже в 4 часа. Живу я в предместье Лондона, здесь относительно спокойно, и это место чем-то напоминает Тилбург или подобный ему город.

Я очень приятно провел время в Париже и, как ты можешь догадаться, получил огромное удовольствие от всей той красоты, которую увидел на выставке, а также в Лувре и в Люксембурге. Магазин в Париже великолепен и гораздо больше, чем я себе представлял. Особенно на площади Оперы.

Жизнь здесь очень дорога, на пансион я трачу 18 шиллингов в неделю, не считая стирки, и к тому же приходится питаться в городе.

В прошлое воскресенье я вместе с мистером Обахом, моим начальником, ездил за город, в Бокс-Хилл: это большой холм (примерно в 6 часах от Л.), частично известняковые склоны которого покрыты самшитом, на одной из его сторон — роща с высокими дубами. Здесь потрясающе красивая природа, очень непохожая на голландскую или бельгийскую. Повсюду великолепные парки с высокими деревьями и кустарником. Там можно гулять. На Троицу я совершил чудесную вылазку с теми немцами, но эти господа тратят очень много денег, и я больше не буду с ними ездить.

Я был рад узнать от папы, что дядя Х. чувствует себя сносно. Передавай ему и тете сердечный привет от меня и расскажи им что-нибудь обо мне. Поприветствуй от моего имени господина Шмидта и Эдуарда и поскорее напиши мне. Прощай, будь здоров.

Винсент

мой адрес:
Care of Messrs Goupil & Co
17 Southampton Street
Strand
London¹.

¹ До востребования гг. [господам] Гупиллю и К^о на Саутгемптон-стрит, 17. Стрэнд, Лондон (*англ.*).

011 (10). Тео Ван Гогу. Лондон, воскресенье, 20 июля 1873

Лондон, 20 июля 1873

Дорогой Тео,

спасибо за твое письмо, которое доставило мне массу удовольствия. Я рад, что твои дела идут хорошо и что тебе по-прежнему нравится жить у господина Шмидта. Мистер Обах остался доволен знакомством с тобой. Надеюсь, в будущем мы будем часто сотрудничать с вами. Картина Линдера великолепна.

Что касается гелиогравюр, то я приблизительно знаю, как они изготавливаются, но сам этого не видел и не настолько в этом разбираюсь, чтобы объяснить.

Поначалу английское искусство не слишком меня привлекало, к нему нужно привыкнуть. Однако здесь есть талантливые художники, в частности Миллес, который написал «Гугенота», «Офелию» и др. [полотна], гравюры с которых тебе, должно быть, уже встречались, они очень хороши. Затем Боутон, чью картину «Пуритане, идущие в церковь» ты знаешь по нашей «Galerie Photographique», у него я видел очень красивые вещи. Далее — представители старой школы: Констебль — это пейзажист, умерший лет тридцать назад, он великолепен: в его работах есть что-то от Диаза и Добиньи, Рейнольдса и Гейнсборо, которые в основном писали прекрасные женские портреты; и еще Тёрнер, гравюры с картин которого ты наверняка видел.

Здесь живут несколько хороших французских художников, в том числе Тиссо, репродукции картин которого есть в нашей фотоколлекции, а также Отто Вебер и Хейльбут. Последний сейчас создает ослепительные работы в духе Линдера.

Напиши, если сможешь, существуют ли [другие] фотографии картин Вотерса, помимо «Гуго ван дер Гуса» и «Марии Бургундской», и известны ли тебе репродукции картин Лажи и де Бракелера? Я имею в виду не старшего де Бракелера, а, кажется, одного из его сыновей, который на последней выставке в Брюсселе представил три великолепные картины, названные «Антверпен», «Школа» и «Атлас».

Мои дела идут хорошо, я много гуляю, живу в спокойном, уютном и чистом районе, мне воистину повезло. Правда, порой я с тоской вспоминаю те чудесные воскресные дни в Схевенингене и тому подобное, но это не беда.

Ты наверняка слышал, что Анна дома и что ей нездоровится, и это плохое начало ее отпуска, но мы будем надеяться, что сейчас ей уже лучше.

Спасибо тебе за то, что ты написал мне о картинах. Если когда-нибудь ты увидишь какие-либо работы Лажи, де Бракелера, Вотерса, Мариса, Тиссо, Георга Сааля, Юндта, Зиема, Мауве, непременно напиши мне: я очень люблю этих художников, и их полотна тебе наверняка встретятся.

Прилагаю копию стихотворения, где говорится об одном художнике, который «пришел в трактир „Зваан“, найдя там приют»: ты точно должен его помнить. Это настоящий Брабант, мне оно так нравится, Лис переписала его для меня в последний вечер, перед моим отъездом из дома. Как же мне хочется, чтобы ты побывал здесь! Что за чудесные дни мы с тобой провели в Гааге — я очень часто вспоминаю ту прогулку по дороге Рейсвейксенвег, то, как после дождя мы пили молоко на мельнице. Если присланные вами картины будут отправлены назад, то я пошлю тебе [с ними] изображение той мельницы кисти Вейсенбруха. Ты, должно быть, помнишь, что у него было прозвище «веселый мотив»: «Это прррекрасно, скажу я вам». С дорогой Рейсвейксенвег у меня, пожалуй, связаны самые приятные воспоминания. Когда нам доведется встретиться, мы, возможно, поговорим об этом.

А теперь, дружище, будь здоров, время от времени думай обо мне и напиши поскорее, я так радуюсь, когда получаю письма.

Винсент

Передавай привет господину Шмидту и Эдуарду. Как дела у дяди Хейна и тети? Напиши что-нибудь о них. Часто ли ты к ним заходишь? Передавай им горячий привет.

Вечерний час

Медленно разносился звук благовеста над полями,
 Купавшимися в золоте предзакатного солнца.
 Торжественный, трогательный час! Когда в деревне каждая мать
 внезапно
 Останавливает стрекочущее колесо, осеняя себя крестным знамением.
 Тогда же крестьянин в поле, останавливая своих пышущих паром
 коней,
 Что тянут плуг, обнажает голову, бормоча «Аве».
 Торжественный, трогательный час! Когда колокол возвещает
 о конце дня
 Везде и повсюду, принуждая могучие, покрытые испариной головы
 Склоняться перед Ним — тем, кто заставляет течь пот.

И для художника, который на тенистом склоне холма
С самой зари увлеченно пишет картину,
Призыв к вечерней молитве прозвучал как знак к возвращению;
неторопливо он вытер

Кисть и палитру и сложил их вместе с холстом в свой этюдник,
Убрал складной стул и начал, зевая, свой спуск по тропинке,
Которая, мягко петляя, вела через цветочные поля к деревне.

Но, как уже часто бывало, не дойдя до подножья холма,
Замер он в восхищении, чтобы еще раз вобрать в свою душу
Ту полную жизни картину, которая открылась его взору.

Перед ним простиралась деревня с холмами на севере и юге,
Между гребней которых на запад уходило алое солнце,
Изливая на мир богатство своих красок и лучезарную славу.
Колокол на серой, обвитой черно-зеленым плющом колокольне
Теперь замолк. Без движенья застыли в вышине коричневые
Лопаста мельниц; листва была неподвижна, и клубы синего дыма
от торфа

Поднимались из труб над хижинами, такие прямые,
Что казалось, будто они зависли в мерцающем небе.

Как будто и деревня, и поля, и холмы — все вокруг, —
Закутавшись в плед из вечерней росы, отходили ко сну,
С прощальным поцелуем солнца, молчаливые и благодарные,
Вспоминая изобилие и покой, которым они могли каждый день
наслаждаться.

Но вскоре эту тишину все же осторожно нарушили
Упоительные звуки вечера. Вдали, из лощины доносился
Затяжной звук рожка, призывавшего скот,
И в ответ на призыв пастуха на песчаную тропинку в овраге
Тотчас вышло разноцветное стадо коров,
С треском и шелканьем хлыст паренька гнал их вперед,
Пока они, поочередно вытягивая шеи и дружелюбно мыча,
Уже издалека приветствовали коровник, где их каждый вечер
Поджидала доярка, чтобы облегчить тугое вымя.
Деревня была осью, от которой расходились дороги,
Где бурлили движение и жизнь.
А еще крестьянин, сидя боком на своей гнедой лошади
и насвистывая мелодию,

Вез на телеге домой борону или плуг с поля.

А вот румяная девушка с пучком душистого клевера в руках
И с ромашками и маками в волосах издалека поприветствовала кого-то,
Весело и игриво выкрикнув: «Доброго вечера!»
Дальше... Но на дорожке, по которой шел художник,

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

«ИСКУССТВО И САМА ЖИЗНЬ»

Избранные письма

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редакторы Владимир Петров, Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Светлана Федорова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.02.2024.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 58,8. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербург, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-NFB-34878-01-R

книга целиком на сайте

Bookmark